ISSN 0130-7673

НОВЫЙ МИР

10

2002

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

«…Впереди еще есть время: долгий нынешний и завтрашний день и тот, что впереди, если будем жить. И в каждом из них — простая радость: дорога на Калач, по которой можно идти ранним розовым утром, в жаркий полудень или ночью».

- Борис Екимов
  - ○

Борис Екимов
ДОРОГА НА КАЛАЧ

Всякий день у нас новости. А в субботу — тем более. С утра до полудня в поселке — базар; там народу словно в Китае. Со всех углов собрались, с хуторов съехались. Нарасскажут, лишь успевай слушать.

Потом — баня, парная. Здесь, уже спокойно, не торопясь, можно обсудить услышанное. И свое, и чужое, какое по телевизору.

Нынче заговорили про богатого американца, который за космос двадцать миллионов отвалил. Да не рублей, а долларов. В рублях — это вообще немыслимо, чуть ли не миллиард.

По телевизору целый месяц галдели: старый американец, лысый, а выложил денежки и полетел в космос, вроде как прогуляться, на неделю, короткий отпуск. Показывали, болтался он там, потом хвалился: это, мол, самое лучшее, чего он в жизни увидал.

В парной народу немного. Дело — летнее, час еще ранний. Трудится народ на огородах, в садах. К вечеру — попрут. А теперь лишь мы — люди свободные и не любящие толкотни: Иван Линьков — старинный приятель, житель второго этажа с балконом, Петро из милиции, еще кое-кто.

Сначала о рыбе разговор: запрет, мол, а все равно ловят, полный базар сазана, сома, толстолоба, карася, а уж вяленой — вовсе море. Поговорили о рыбе. Вспомнили про американца.

— Гляди, куда стали на отдых ездить. Аж в космос! Тесно уже на земле. — Это Иван Линьков, он огорода не имеет, глядит телевизор и все знает. — Раньше про Крым мечтали. Потом стали про Кипр… Анталия-монталия… Хургада-мургада… Про Канары галдят.

— Багамы еще… — подсказали ему.

— Это еще где?

— Какие-то острова. Далеко.

— Ну и кто там был? Из наших?

— Может, кто и был. Кто у нас богатые?

— Гаишники да начальство.

— Да у кого магазины.

— Нынче богатством хвалиться нельзя. А то придут в масках и обчичекают.

— У кого есть что чичекать.

— А ты все беднишься. Как-никак при большой звезде. Да еще

в Чечне три месяца просидел. Вот бы и маханул на Канары. Все жмешься.

— Пошли они, твои Канары… Мне предлагали, после командировки, в Сочи. Бесплатно. Я не поехал. Чего там делать? На пляже лежать, как тюлень.

— А ты на него похожий.

— Ты, может, еще на кого похожий, почудней. Да я молчу. А заместо Сочей уехал я к Рубежному, палаточку поставил… Милое дело.

— А комарь?

— Он — в займище. А я на той стороне, возле балочки, чтобы ветерок тянул. Вот это отдых, я понимаю. А то — Канары, Канары… Лезь в самолет, лети куда-то на край света. А там такая же вода, как у нас. Лишь соленая. Да толкотня, один на одном. Да рыба не ловится. А на Рубежном и уха будет, и жареха, и сам себе — пан.

Нашлись несогласные:

— Если уж отпуск да на целую неделю, то надо не в Рубежный, а повыше…

— На Картули. В августе каждый год ездим. Замечательно!

— Это через Евлампиевский, там через речку запруда.

— Размыло давно твою запруду. Бродом теперь, за поворотом речки, где старый сад. Едем, ребят берем. Палатка. Рыбалим — с утра, на зорьке. Милое дело… На бугре — бахчи: дынки, арбузы. На той стороне, в займище, ежевика, грибы. Тихочко и покойночко. Все — под рукой, в твоей воле.

— Правильно. А то мы ездили… Моя загалдела: здоровье, здоровье… детвора. Поехали. В Краснодарском крае шкурят на каждом шагу: не туда свернул, не туда въехал. А уж на месте и вовсе: сюда — не шагни, сюда — не плыви, сюда — не гляди. Воруют — по-черному. Не знаешь, куда и спрятать деньги эти. Я уж их в воздухоочиститель запихал. И не спал, караулил. Там — не поправка, там последнего здоровья лишишься.

— На Картулях, слава богу, ни прятать, ни хорониться не надо. Все — твое…

— В сентябре надо ездить. Шиповник пойдет, боярка, кислятка.

— В сентябре — школа. А ребятам хочется. Весь год ждут: когда да когда…

— А мы на озера ездим, — вздохнул кто-то. — К Некрасихе, через пески, краем пробьешься. Благодать…

— Черти вас несут на Некрасиху. Пробьемся, через пески… Садись на лисапет — и на Мужичье. Карасики — в ладошку, а до чего сладкие! Никаких ваших судаков и сазанов не надо. Сидишь

как в раю: камыши, лебеди плавают, чаечки вьются.

— И комари по кулаку.

Разговоры пошли один другого завлекательней. Про американца забыли и про деньги его.

Такие беседы всегда по душе. Слушаешь, свое вспоминаешь. Тоже — близкое. Округа Набатовского хутора, Голубинские пески возле Дона.

Когда-то, по молодости, разговоры о прелестях отдыха в родных местах мне казались не очень убедительными: «Ни на какой Крым не променяю, никакие Кавказы не нужны…» Тогда думалось: нигде не был, ничего не видел, вот и гонор, похожий на тот, что, дескать, коньяк — это гадость, он клопами воняет, а самогон — одно удовольствие. Хороший коньяк и поныне в наших краях не водится. Дороговат он для нас, коли хороший. А вот что до прочего…

В предбаннике, в раздевалке, всерьез забурлило: «А вот на Скитах… На Харлане… У нас на Плесистове… На Ластушенском…»

Побрел я потихонечку в парную. Пока здесь шумят, там — простор. А что до споров… За немалую теперь уже жизнь довелось мне бывать и отдыхать в разных концах земли. Только что до Австралии не добрался, уж больно далеко. На теплых морях да океанах бывал и на холодных побережьях. Высокие горы, тропические леса, жаркие пустыни, древние города, шумные столицы, тихие и чистенькие американские да европейские городки и деревушки — все это хулить, конечно, грех. Приятно было гостить, а теперь вспоминать.

Но если подумать, в чужих далеких краях: Америка, Африка, Азия; или в своих, но тоже неблизких: Байкал, Дальний Восток, северные края да южные, — что в них особенного, которое бы помнилось и ныне?

Кордильеры, домик в горах, скамейка под деревом, тихий вечер, гуси летят… Морские ли, океанские воды: мерный, баюкающий рокот волны; набегает, рушится у ног; простор воды, неба, земли; зелень, синева, покой, чистый воздух.

Нынче — долгое лето. Вроде и можно куда-нибудь махануть, но не хочется. Вернее, хочется, но не в края далекие. Лучше — к себе, в Задонье. Поедем в августе, поставим палатку на займищной стороне, в лесу. Будет славно…

Посидел я в парной, веничком помахал и снова — в предбанник. А там — крик да ор. Шумят мои мужики.

Иван Линьков жилистую шею вытянул и свое прет:

— Он — дурак, этот американец! Ты понял?! Он — гольный дурак, без подмесу! Потому что деньги кидать нужно в дело. А

чтобы тебя, за твои же кровные, запхали в железную бочку и бабах! Полетел! Ничего не вижу, ничего не слышу! То ли долетишь, то ли тебе капец! Долетел, слава богу! В штанах мокро. А куда прилетел?! — У Ивана глаза на лоб лезли, он старался, чтобы все поняли его правоту. — Ну куда он прилетел?! За свои миллиарды! В рай Господний?! Конура железная! Сидят один на другом и через раз дышат какой-то гадостью. И чего сладкого?! Ну выглянул в окошко… А чего увидал? Темень да звезды. Их и с земли видать. Чего еще в этой камере? Болтайся да моли Господа, чтобы назад возвернул. Космонавты туда за большие деньги летают, за зарплату. Вроде как люди на Север едут. Заработать! На жизнь! А этот дурак еще и приплатил, чтобы его туда запхали. Да еще хвалится! Чокнутый, точно! Червяки в голове!

— Ты гляди сам не чокнись, — посмеялись над Иваном. — Иди охолонись. От тебя дым идет.

— Охолонусь. А потом попарюсь, — пообещал Иван, помахивая дубовым веником. — А этому американцу никакой пар не поможет. Дурак, он дурак и есть, вместе с долларами.

На том все и кончилось. Парились, отдыхали и снова в парную шли. Беседовали — об ином. Неделя долгая. Новостей много, тем более — в субботу, после базара.

Нынче, из города перебравшись, начал я свое летованье не в самом Калаче, в райцентре, а на отшибе — в селении вовсе малом и тихом, на берегу просторной воды.

День первый, второй да третий. После городской жизни не сразу обвыкаешься, словно не веришь, что все это явь: тишина, покой, зелень, вода — рядом. Рано утром проснешься, бредешь потихоньку к воде, окунуться.

Раннее лето, лишь начало его. Шиповник цветет розовым. Старые акации, высоченные, чуть не до неба, вздымают над землей пахучие облака сладкого цвета. Солнце поднялось. Деревья гудят от пчел.

Тишина. Протяжная песнь иволги. Перекатистая трель черноголовой славки. Скворчиный гвалт на дуплистом тополе. Дыханье близкой воды. Прозрачная склянь ее, песчаное дно, утренняя свежесть. Выйдешь из воды — и чуешь души и тела восторг. А потом — покой, солнышко греет, птицы поют, синеет просторная вода; бредешь себе по светлой песчаной дорожке к утреннему чаю.

Почему-то вспомнился разговор в парной. Про американца, деньги его и полет. И сразу же — давнее, но похожее на сегодняшний день: Америка, маленький городок в окрестностях Филадельфии, счастливое утреннее пробуждение в приютной гостинице тамошней школы. Проснешься — птицы поют. Весна.

Месяц май. Цветущие вишни. Огромная зеленая поляна, а посредине — семь раскидистых могучих дубов. Идешь — словно плывешь в зелени, цветенье, голубизне и солнце.

Зачем надо платить двадцать миллионов и улетать из этого цветущего рая в далекую нежить, где пустота и лед, где даже дышать нельзя и далеко-далеко от тебя теплая, дорогая Земля, до которой еще надо добраться нелегкой дорогой через холод и тьму?

Моя нынешняя дорога самая дальняя — лишь восемь километров от поселка, где живу, до Калача. Каждый день ее меряю. По асфальтовой трассе ходит автобус. Четыре рубля заплатил — и катишь: деревья, столбы мелькают. Толком не разберешь.

Людям, на работу спешащим да вовсе старым, им выбора нет. А мне сам Бог велел пешком ходить по песчаной белой дороге, прибитой дождями или обсохшей.

Восемь километров. Немногим более часа ходьбы. Но кажется, что гораздо быстрее. Торопишься миновать поселок, дома его.

Околица. И сразу невольный вздох облегченья ли, радости. Такой неохватный простор открывается, земной и небесный, которому лишь одно имя — Божий мир.

Песчаная дорога в зеленых берегах — славный путь. Просторная степь раскинулась широко, зеленеет, колышется разнотравьем: серебрится ковылем, желтеет пахучим цмином, золотится тысячелистником, тешит глаз пенистыми полянами фиолетовой и розовой чины, радует нежным молочаем, гвоздиками, яркими цветами придорожного чертополоха, лисохвостом, аржанцом — все растет, все зреет и дышит сладостью цвета и сока.

Отцветают одни травы, им на смену — другие: сиреневый терпкий чабёр, кустистый, в розовых цветах железняк, лазурные озера бессмертника, синие фонарики батога — все это рядом: запах, зелень и цвет. А дальше — приречные луга, разлои, старицы, озера. Близкое Мужичье озеро в надежной камышовой защите. Кудрявое лесистое займище. В прогалах его донские воды синеют ли, серебрятся, смотря по погоде. А дальше вздымаются могучие холмы Задонья. Просторные долины открываются к Дону. Людское жилье. В устье Петипской балки — станица Пятиизбянская, старинное казачье гнездо. По течению выше, на входе к Дону Грушевой балки, лепится Кумовский хутор. Задонские холмы, приглядно зеленея, белея меловыми обрывами, огромным коромыслом тянутся, за курганом курган, уходя вдаль и вдаль вместе с рекою.

А над землей раскинулся простор вовсе немереный. Громады белых, солнцем пронизанных облаков плывут и плывут, перемежая свет и тень. В Задонье над холмами тянутся синие тучи, волоча за собой косые полосы дождя. А в стороне западной густеет фиолетовая тьма. Там погромыхивает.

Степная дорога — белая песчаная нить меж землею и небом. Жаворонки поют и поют. Молчаливый коршун кружит и кружит. Упругий ветер несет навстречу запах травы, листвы, речной и озерной воды, дождевых капель.

В голове и в душе — ничего суетного. Светлые спокойные мысли о нынешнем, и о завтрашнем, и даже о том, чего уже не воротишь.

Будто и не торопишься, просто идешь и идешь; но вот уже тополевая роща шумит — конец пути. Жалко: шел бы и шел. Но впереди еще есть время: долгий нынешний и завтрашний день и тот, что впереди, если будем жить. И в каждом из них — простая радость: дорога на Калач, по которой можно идти ранним розовым утром, в жаркий полудень или ночью. В ночи песчаная дорога светит и отражается в небе серебряным Млечным Путем, сближаясь, а в дальней дали сливаясь с ним.

Восемь километров на автобусе, по асфальту, за четыре рубля. Прогромыхаешь, что-то промелькнет за окном, но ничего не увидишь. За рулем, на машине, — и вовсе: лишь черная лента асфальта перед глазами — и все.

Вчерашним утром спозаранку шел я привычной дорогой и вдруг услышал тонкий серебряный звон. Сразу угадал: лебеди… Поднял голову: совсем низко, косым клином, неторопливо летят белые птицы. Видно, ночевали на Мужичьем озере, в густых камышах, а теперь подались на кормежку, на мелкие теплые воды, куда-нибудь к Кривой Музге. Один, два, три, четыре… Двадцать два лебедя. Провожал их взглядом, затаив дыханье. Алая утренняя заря поднималась высоко, птицы уходили в нее, алея и розовея пером и превращаясь в чудную сказку ли, волшебный сон. Но это — не сон. С хрустальным звоном, мягкими крыльями не разбивая, а лишь раздвигая утренний розовый воздух, улетали птицы, чтобы вечером вернуться вновь привычной дорогой. Самой близкой и самой красивой, похожей на мою песчаную степную дорогу, ведущую на Калач.